

До Вестфалю: история международных отношений ante litteram

Н.Н. Гудалов

Санкт-Петербургский государственный университет

Рецензия на книгу: Фененко А.В. 2022. *История международных отношений в довестфальскую эпоху*. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 752 с.

Ключевые слова: история международных отношений, «исторический поворот», довестфальская эпоха, Вестфальский мир, системный подход, имперская политика, суверенное государство, национальное государство

Выход в свет учебника доцента МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора политических наук, известного специалиста по историческим и политическим аспектам международных отношений Алексея Валериевича Фененко «История международных отношений в довестфальскую эпоху» – событие, значимость которого выходит далеко за пределы педагогики. Книга вносит вклад в мировую науку о международных отношениях и будет полезна практикам. Напоминания о важности истории до Вестфальских договоров могли бы быть лишними, особенно для профессиональных историков; однако наука о международных отношениях в основном ограничена изучением периода после 1648 г. Между тем международникам требуется не просто большее внимание к истории, но и её собственное осмысление. Конечно, довестфальский период освещался либо частично, либо наряду с другими эпохами в ряде работ (Потемкин 1941-1945; Сиротенко 1975; Жигунин 1980; Жигунин, Габелко 2000; Cohen, Westbrook 2000)¹. Однако необходимость подготовки отдельной фундаментальной книги именно по той эпохе, которая бы соответствовала сегодняшнему уровню развития науки, ощущалась всё сильнее. В последние примерно двадцать лет наметился даже «исторический» («темпоральный») поворот в мировой

¹ Каменская Г.В., Колобов О.А., Соловьёв Э.Г. (ред.). 2007. *История международных отношений*. Учебное пособие. Москва: Логос. 712 с.

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 23.04.2022 г.

Принята к публикации: 01.06.2022 г.

науке о международных отношениях, но работы в этом русле остаются мало-численными, зачастую краткими и в большой степени теоретическими (см., например, обзор в (Baele, Bettiza 2021: 317-318); также, (Lopez 2020)). Рецензируемая книга есть попытка заполнить обозначенную лауну.

Из авторского обоснования важности исследования довестфальской эпохи самого А.В. Фененко можно выделить три фактора. Во-первых, именно тогда возникли многие современные государства и противоречия между ними, некоторые типы государств (например, континентальные и морские) и их взаимодействий («принципы торгового и геополитического соперничества»), мировые религии и соответствующие цивилизации (с. 11²). Во-вторых, ряд довестфальских моделей взаимодействия государств отличались от вестфальских, причём в настоящее время первые могут приобрести новую актуальность. В-третьих, в продолжение предыдущего комментария, сегодня международники часто обращаются именно к довестфальским сюжетам: опыт древнегреческих полисов и эпоха эллинизма значимы для реалистов; имперская политика Древнего Рима или понимание того, что «новые акторы» на деле напоминают Средневековье, – для либералов; история цивилизаций – для теоретиков их «столкновения» или их важности как основы интеграции; параллели между античными полисами, высоким Средневековьем XI-XIII вв. и нынешней международно-политической средой – для теоретиков мировой политики (с. 11-14).

Иными словами, история, безусловно, делает нас более внимательными и к сходствам разных эпох, и к их различиям. Последние высвечивают историческую «инаковость» прошлого – и, более того, то, как люди ещё, возможно, смогут или будут жить (Grimm 2017). Уместно добавить и три других фактора, определяющих значимость довестфальской эпохи. Анализ сходств и различий между периодами до и после 1648 г. позволяет лучше понять, изменилось ли именно в Вестфалии столь многое – и в какой степени это лишь «миф» (Teschke 2003). Далее, дело не только в диахронной «инаковости» разных эпох, но и в лучшем познании того, каким образом различные субъекты взаимодействовали в прошлом. Например, знакомство с перипетиями отношений христиан и мусульман – одно из лучших лекарств против упрощений Самюэля Хантингтона (Huntington 1997) и других подобных картин почти неизменных, замкнутых на себе и «осуждённых» лишь на один тип взаимодействия культурных существ. Наконец, последний и связанный с остальными фактор: история повышает нашу мудрость. Это хотя и прозвучит «старомодно» для ряда теоретиков (Grimm 2017: 399), но за счёт акцента на сложности, богатстве исторической фактуры развеивает претензии чересчур абстрактных математических или естественнонаучных теорий в науке о международных отношениях (см. также: (Baele, Bettiza 2021: 317-318)).

² Здесь и далее указаны страницы рецензируемой монографии.

Всё это подтверждает значимость книги для преподавания, науки и практики. Студенты, конечно, разовьют свои знания по истории, историческую «составляющую» других учебных курсов, критическое мышление и общую культуру, но и многим исследователям-международникам, по авторитетному замечанию Т.А. Алексеевой (с. 5), довестфальская эпоха известна недостаточно. Как минимум книга ещё раз привлекает внимание учёных к огромному дополнительному эмпирическому материалу для тестирования и развития теорий. Наконец, без учёта исторического опыта дипломат или бизнесмен едва ли смогут принимать максимально мудрые решения и даже уверенно общаться с образованными иностранными партнёрами, особенно из тех государств, история которых уходит далеко в довестфальскую эпоху.

В пособии ставятся «две взаимосвязанные задачи»: «сформировать структуру курса о системе межгосударственных отношений» довестфальского периода и «дать представление о логике развития» этих отношений (с. 10). А.В. Фененко останавливается на таких ключевых проблемах, как упомянутая уже важность изучения довестфальской эпохи, трудности, сопряжённые с этим, а также специфика эпохи. Хронологическими рамками служат появление первых государств на Древнем Востоке на рубеже IV-III тысячелетий до н.э. и 1668 г. (признание Испанией независимости Португалии, что автор считает окончательным завершением Тридцатилетней войны) (с. 19, 717). К истории А.В. Фененко подходит именно как политолог-международник – в значительной мере абстрагируется от (условно) «неполитических» сфер общественной жизни, а также от внутренней политики (с. 10). При этом одна из сильных сторон книги как раз в том, что это абстрагирование не абсолютно: автор достаточно много пишет о релевантных экономических, торговых, культурных, религиозных проблемах. Международная политика и география связываются в анализе геополитических проблем, причём без крайностей географического детерминизма. Особенно часто используется понятие талассократии: от финикийцев и греков в Средиземноморье соответственно в XII-VIII и VIII-VI вв. до н.э. и до Арагона в XIV – середине XV вв. н.э. (с. 135-137, 615-616). Иногда затрагивается и история идей – стратегических культур – например, китайской VI-IV вв. до н.э. и древнегреческой (с. 113-114, 150-153) – и возникновения концепции государственного суверенитета в XVI – первой половине XVII вв. (с. 696-697). Отмечаются также связи условно внутренней и межгосударственной политики (чёткого разделения которых до 1648 г. не было).

Справедливо широк географический охват издания. Освещены все регионы Евразии, не упущена и Африка, особенно побережье – от Древнего Египта до времён Великих географических открытий. Большое внимание уделено Великому шёлковому пути в его широком понимании, включающем не только две сухопутных составляющих, но и океанскую. Рассмотрены отдельные участки пути, то, как он связывал акторов в единые системы вдоль него. Учтены и все другие регионы, затронутые Великими географическими открытиями, включая доко-

лумбовую Америку (с. 644-664). Детальный анализ отношений различных субъектов покажет читателю, что калейдоскоп исторических событий не вмещается в расхожие схемы взаимодействия культур – например, «Запада» и «Востока». Напомним лишь несколько эпизодов конца XV–XVI вв. из истории экспансии Португалии. Поддержку Васко да Гама против султаната Мозамбик оказал другой султанат – Малинди; последний и помог да Гама приплыть к Индостану. В ответ на успехи Португалии Венеция, поставлявшая в Европу пряности через Египет, отправила к мамлюкам посольство с антипортугальскими предложениями, снабжала египетский флот оружием и мастерами. Египту стали помогать и Османы, в ответ Португалия сблизилась с Персией. Позже в противовес туркам португальцы оказали военную помощь свергнутому султану Марокко аль-Мутаваккилю (с. 653-661).

Хотя книга и задумана как учебник, аргументация А.В. Фененко зачастую находится на уровне глубокой монографии. Мы уже приводили его аргументы о том, почему изучать довестфальскую эпоху важно. Аргументируются и трудности её изучения: недостатки фактологической базы, исчезновение многих изучаемых народов, условность нынешних названий многих довестфальских государств (например, «Шумеро-Аккадского» или «державы гуннов»), отсутствие у государств той эпохи национальной идентичности (с. 14-16). Основным аргументом о специфике довестфальских межгосударственных отношений состоит в том, что их сутью было взаимодействие империй. «Системными регуляторами» выступали войны, политические соглашения и межличностные отношения (с. 19). А.В. Фененко выделяет три типа межгосударственных конфликтов от появления государств и «протогосударственных объединений» до начала промышленной революции XVIII в.: между земледельческими цивилизациями, земледельческими и кочевыми цивилизациями, а также торговые (с. 27).

По итогам детального анализа А.В. Фененко подтверждает аргумент о том, что довестфальская эпоха была эпохой «империй, которые строились на сакральной космополитической идентичности» (с. 719) и не были достоянием какой-то одной нации. Спецификой довестфальских межгосударственных отношений являлось и то, что они были большей частью иерархическими (имперский центр – периферия), равноправными же – лишь между имперскими центрами; имперские «центр» и «периферия» взаимодействовали постоянно, посольства же были ситуативными; иерархия подкреплялась «династической дипломатией»; иерархичность проявлялась и в том, что военно-политические союзы возникали прежде всего между имперским центром и новыми субъектами или между субъектами внутри одного такого центра. Отсюда выводится «главный принцип довестфальской системы: отсутствие грани между внутренней и внешней политикой государств» (с. 721). Вопреки многим историкам XIX в., писавшим на подъёме национальных идей и строившим длительную и непрерывную историю наций, А.В. Фененко считает, что национальные и суверенные государства в Европе возникли в результате распада империй, за-

крепленного лишь в Вестфалии в 1648 г. На Востоке начало Нового времени не было связано с появлением национального государства. Распространение Вестфальской системы на весь мир завершилось лишь с распадом колониальных империй в 1960-е гг. (с. 722).

Среди методов (сам А.В. Фененко этот термин не обсуждает) основным является системный – в понимании системного подхода именно как метода. Книга написана не для «классических историков, а политологов-международников и рассматривает исторический процесс сквозь международно-политическую призму» (с. 10). Это соответствует системному подходу, предложенному Э. Карром, Д. Сингером, М. Капланом и развитому А.Д. Богатуровым, Н.А. Косолаповым и М.А. Хрусталёвым. Изучается не столько история отдельных субъектов, совокупности их внешних политик или даже отношений между ними, сколько логика и ключевые аспекты взаимодействия субъектов в сменявшихся международно-политических системах. В центре внимания – не факт сам по себе, а функциональный подход к нему – его значимость в рамках определённой системы. При этом А.В. Фененко выдерживает тонкий баланс в «извечном», на первый взгляд, разделении политологов-международников и историков (см. также: Baele, Bettiza 2021: 318). Его книга – не «размышления об истории», которые бы выхватывали отдельные факты и укладывали их в прокрустово ложе абстрактных схем. Текст демонстрирует ярко выраженное историческое наполнение, применение исторических методов. Автор детально изучает причины, зарождение, развитие множества процессов (историко-генетический метод), отдельные проблемы в хронологическом ключе (проблемно-хронологический), проводит сравнения этапов и регионов (сравнительно-исторический). О балансе между обобщениями и конкретно-историческим взглядом свидетельствует то, через какие понятия рассматривается материал. С одной стороны, автор не боится применять весьма широкие термины, в том числе относительно новые, к отдалённой истории. Так, термин «антигегемонистская коалиция» применён к противникам древнего Лагаша (XXV в. до н.э.) (с. 38); «буферные государства» – к Митанни и сирийским княжествам (борьбу за которые в XIII в. до н.э. Ассирия выиграла у Хеттской державы) (с. 67), «протоглобализация» – к эпохе эллинизма (с. 168), «Мировая война VII века» – к войне между Византией, Персией и их союзниками 603-628 гг. Мы уже отмечали термин «стратегическая культура». Часто применяется и понятие «мягкой силы» – к политике Перикла (с. 130), династии Птолемея (с. 173), пергамского царя Эвмена (с. 181), «империи Маурьев» (с. 209). Таким образом, А.В. Фененко избегает крайнего контекстуализма как попытки изучать отдельные эпохи лишь в их собственных терминах. Наоборот, современные концепции нужно соотносить с широчайшим возможным материалом – и история даёт такой материал. История не только политических практик, но и мысли демонстрирует ряд общих тем и проблем, объединяющих мыслителей тысячелетиями, вопреки, например, контекстуализму Кембриджской школы (Haddock 2011). По крайней мере, чтобы осмыслить историче-

ские события, политологу-международнику необходимо обобщать. С другой стороны, тогда, когда нужно учитывать историческую изменчивость знания и практики, А.В. Фененко делает это, избавляя нас от анахронизмов. Так, термин «Столетняя война» был предложен лишь в XIX в.: тогда она считалась конфликтом двух отдельных королевств. Вместе с тем нужно учитывать взгляды современников тех событий, которые видели в них три отдельных последовательных войны, причём не межгосударственные, а между двумя ветвями династии Капетингов в рамках одной политической системы (с. 584). Другой пример – термин «ацтек», введённый лишь Александром фон Гумбольдтом для обозначения народов «Ацтекской империи» (с. 650).

Для анализа понятия империи как центрального используются четыре теоретических подхода. Это экономико-политический подход (марксизм), геополитический, идеологический (с акцентом на мессианстве) и социологический (с акцентом на имперских элитах – их централизаторской или сепаратистской политике, а также их взаимодействиях). При этом данные подходы, скорее, не противоречат друг другу, а сосредоточены на различных аспектах: первый и последний – на структуре империй, а второй и третий – на результатах их построения (с. 16-17). Ясно, что международник делает упор не на описании отдельных империй, а на взаимосвязанных результатах их политики. Основной теорией, с помощью которой автор осмысливает довестфальскую имперскую политику, стала знаменитая теория международных систем М. Каплана о шести их типах. Вслед за М. Капраном и А.Д. Богатуровым автор разделяет статическую и динамическую стабильность, а вслед за Н.А. Косолаповым считает понятие конфликта более широким, чем понятие войны (с. 18-19).

Текст книги богат фактическими данными. Приводятся и часто критикуются разные версии в спорных случаях, что способствует развитию кругозора и критических способностей студентов. Каждая глава завершается краткими выводами, контрольными вопросами, списками рекомендованной и дополнительной литературы. Сделано множество врезок в основной текст: дополнения, к которым автор привлекает внимание, определения, рубрики «важно» и «интересно». Завершается пособие внушительной таблицей с ключевыми датами (с. 723-752). Всё это облегчает восприятие всего значительного массива материала.

Стиль книги отражает её методы и теоретическую перспективу, сочетая в себе обобщения и историческую конкретность. Доходчивость не вредит научности стиля. Текст также ёмок: изложить и осмыслить в одном томе столь обширный и разнородный материал – немалое достижение.

Оценивая возможные источники необъективности, отметим, что в злонамеренных искажениях автора заподозрить трудно. Исследование действительно очень широко в плане проблем, методов, теорий, эмпирического материала, исторических версий отдельных событий. Вместе с тем ни одна книга не может охватить «всё». Тем более это применимо к учебникам по малоизученным темам.

Именно с этими факторами, как мы предполагаем, связаны и четыре ограничения рецензируемой книги: не вполне чётко продумана концептуальная характеристика взаимодействующих акторов; спорны или неполны трактовки ряда сюжетов; присутствуют изъяны в списках источников и литературы; в тексте обнаруживаются отдельные неточности. Далее подробнее остановимся на данной критике, но, подчеркнём, что книга не только необходима той целевой аудитории, ради которой она задумана, студентам-международникам, а также политологам и конфликтологам; её смогут плодотворно использовать многие учёные и практики. Хотя вероятные причины изъянов книги вполне объяснимы, мы, вместе с тем, считаем, что даже учебник по такому нелёгкому материалу можно было бы усовершенствовать, отчего он не стал бы ни намного больше, ни намного сложнее. Наоборот, ряд коррективов лишь повысили бы его ясность.

В плане, прежде всего, внутренней критики встают вопросы о продуманности концептуальных аргументов и ходе рассуждения о взаимодействующих акторах. Напомним, что задачи книги связаны с тем, что А.В. Фененко называет «межгосударственными» отношениями. При этом он практически сразу и неожиданно отмечает, что в довестфальский период было «много негосударственных игроков» (с. 17). Далее в книге систематического анализа в терминах именно негосударственных акторов не проведено. Автор сразу оговаривает и то, что довестфальское «государство ... ещё не обладало устойчивой территорией и институтами» (с. 17). Однако в одной главе – и вновь несколько неожиданно – он выбирает своеобразный термин «межсубъектные отношения». Объяснение этому даётся фактически такое же, как и оговорка о довестфальском периоде в целом: тогда «ещё не существовало устойчивых государственных образований» (с. 468). Такое объяснение логически озадачивает: почему во всём тексте это отсутствие «устойчивости» у довестфальских государств не мешало употреблять термин «государство», а помешало только в одной главе? В чём причинно-следственная связь? Глава эта посвящена противостоянию Святого Престола и императоров Священной Римской империи в XI–XIII вв. Сомнительным было бы допущение, что именно эти два субъекта были гораздо менее устойчивыми, чем многие другие примеры, о которых пишет автор. Неясно и то, почему не следовало бы применять термин «империя» и, соответственно, например, «межимперские отношения» (как альтернативы «межсубъектным») и к Священной Римской империи – именно как империи, пусть и весьма рыхлой, – и к Святому престолу, который тогда был весьма иерархичным и амбициозным образованием.

Довестфальские империи А.В. Фененко иногда называет «наднациональными» и «транснациональными» (с. 719). Это сравнение озадачивает: если он сам считает, что до 1648 г. нации ещё не сложились, как логически могло существовать что-то «над» нациями или «пересекающее» («транс-») нации? Едва ли здесь полностью оправдано применение этих современных теоретических концептов.

Не вполне понятен из аргументов автора и переход к более современной государственности. Так, он пишет об «Анжу-Сицилийской империи», проекте Младшего Анжуйского дома (ветви Капетингов от Карла I Анжуйского, младшего брата короля Людовика IX). А.В. Фененко спешит сделать вывод, что крах этой империи во второй половине XV в. стал концом «династической» логики в Европе: интересы элит стали жёстче увязываться с конкретными территориями (с. 575). Но почти сразу же сам автор показывает, что Анжу-Сицилийскую империю в Средиземном море сменило соперничество вовсе не государств с устойчивой территориальной логикой, а городов-республик Апеннинского полуострова, которые занимались строительством факторий, конкурируя в морской торговле (с. 602). Ещё более очевидный пример сохранения нежёстких принципов территориальности – империя Габсбургов «долгого шестнадцатого века», которую сам автор характеризует как «наднациональную», «универсальную», «католическую», возникшую через династический брак (с. 665). Окончательный крах подобного проекта Габсбургов А.В. Фененко связывает лишь с Тридцатилетней войной (с. 696, 717), но и после 1648 г. элементы династической политики не исчезли, о чём свидетельствовал целый ряд войн за «наследства» (см. также: (Teschke 2003)).

Противоречие иного рода также связано с чертами акторов. Как отмечалось, А.В. Фененко много пишет о талассократиях. Однако парный термин «теллуракратия» он лишь упоминает (с. 16), почти не применяя затем к релевантным примерам. Это тем более странно, что большое внимание уделяется крупным сухопутным государствам, в т.ч. вдоль Великого шёлкового пути.

Последнее противоречие касательно характеристики акторов заключается в слишком категоричном допущении, что довестфальские империи «всегда уравнивали всех подданных» вне зависимости от этноса (с. 719). Не ясно, как это сочетается с акцентом самого А.В. Фененко на иерархичности империй. Вряд ли убедителен был бы тезис о равноправии в таких довестфальских случаях, как, например, ранние христиане в Риме, балканские народы в Османской империи или евреи и мусульмане в Кастилии и Арагоне (о последнем кейсе пишет сам автор (с. 618)).

Другие противоречия прямо касаются уже отношений акторов. Так, сначала автор делает общее замечание, что термин «баланс сил», в отличие от термина «силовое равновесие», применим, во-первых, только к национальным государствам Вестфальской системы и, во-вторых, не просто к равновесию, но и к способности достичь влияния (с. 18-19). Однако затем мы читаем: «Эпоха эллинизма стала первой в истории моделью баланса сил» (с. 167). Разумеется, говорить ни о вестфальских, ни о национальных государствах в ту эпоху нельзя (особенно учитывая объединявшие их эллинистические элементы). Аргумент же о том, что эллинистические государства боролись именно за влияние в одном регионе (с. 167), едва ли работает, поскольку и ранее многие государства конкурировали за влияние – и, в терминах самого автора, тоже должны были бы считаться сторонами баланса сил.

Едва ли полностью логична и приведённая выше типология конфликтов. Во-первых, сомнительно, что не было конфликтов между кочевыми цивилизациями. Например, едва ли обошлось без них Великое переселение народов (с. 226-248). Во-вторых, выделяя в отдельный тип именно торговые конфликты, автор тем самым ограничивает все многообразие факторов в экономической сфере: он и сам пишет о борьбе за ресурсы – скажем, железорудные районы в раннем «железном веке» (с. 81). Кроме экономики, однако, были и другие факторы: например, крестовые походы начались из-за переплетения экономических, религиозных и политических соображений (с. 450).

Переходя к контекстуальной критике, соотнесению книги с внешней релевантной информацией, отметим ещё три группы проблем. Первая – дискуссионные или неполные трактовки ряда сюжетов (ясно, что речь не об «абсолютной» полноте, а об упущениях, порождающих значимые проблемы). Не учтён классический труд Д. Госбона – один из первых, специально посвящённых феномену империализма (Hobson 1902). Его критический анализ мог бы стать полезным дополнением к обзору экономико-политического подхода, который сведён лишь к марксизму.

Результатом османской экспансии А.В. Фененко считает «редкий тип системы ... – систему единичного вето» (с. 642). Однако сам М. Каплан писал, что данной и трёх других моделей систем никогда не существовало в истории (Kaplan 2005: 34). А.В. Фененко обосновывает свою позицию тем, что Османская империя минимум до середины XVI в. могла блокировать важные торговые пути (с. 642), но поправка к классической теории Каплана должна быть гораздо детальнее аргументирована. Логика единичного вето предполагает, что у каждого актора есть средство для шантажа и сопротивления шантажу. Пока же А.В. Фененко указал лишь на средство шантажа у одного актора – Османской империи и на то, что другие её уравнивали. Неясно, как именно Османы сопротивлялись шантажу и какие рычаги шантажа были у других игроков.

Автор фактически использует как взаимозаменяемые термины «суверенные» и «национальные государства», которые, по его мнению, появились в рамках Вестфальской системы (с. 15, 720-721), но такое сближение требует объяснений. Если суверенитет – независимость государства во внешних делах и верховенство во внутренних (причём 1648 г. – как минимум очень важная веха в этом плане), то национализм – более проблематичное понятие. Конечно, национальное самосознание тесно связано с территориальным суверенитетом – но нельзя упускать и другие факторы. Отдельные вехи и исторические варианты национализма, в частности, в различных регионах Европы, связаны, например, и с распространением национальных языков в ущерб латыни, книгопечатанием, Реформацией, промышленной революцией (которую упоминает и сам автор в другом контексте), Великой французской революцией, «Весной народов» 1848-1849 гг. Нации конструировались и «сверху», и «снизу». Здесь мы имеем период минимум с XV по XIX вв. Более детально стоило бы обсудить и соот-

ношение между терминами «нация», «nation», «nation-state» и им подобными в разных языках.

Недостаточно внимания уделено институтам и нормам дипломатических и консульских сношений, ряду других аспектов международного права. Дипломатические представительства отдельно обсуждаются только в Заключении (с. 721); автор, конечно, объясняет, что постоянные институты такого рода возникли лишь незадолго до создания Вестфальской системы и распространились лишь в её логике. При этом не стоит и преуменьшать количество посольств, например, ещё в Северной Месопотамии и Сирии первой половины II тыс. до н.э.: уже тогда видны и зачатки постоянных представительств. К царю Мари Зимри-Лиму постоянно привозили отчёты, в том числе очень подробные, от его посланников при других дворах (значит, сами посланники оставались при этих иноземных дворах); посланники Мари при вавилонском царе Хаммурапи следили за его политикой; послы Зимри-Лима и Хаммурапи при дворах друг друга пользовались официальным статусом и свободой в передаче информации своему государю, хорошо знали принимающего их государя (последнее ещё раз указывает на то, что они жили при дворе долгое время) (Кембриджская история... 2007-2020: II.2: 21, 200-201). Не упоминается также давний институт дипломатической неприкосновенности, распространённый уже минимум к временам Ксеркса³. Не разобраны и институт проксении, история консульских сношений, эволюция правил объявления и ведения войн.

Ряд вопросов возникает по сюжетам о Древней Греции. А.В. Фененко пишет, что приоритетами её стратегической культуры были сила, «представления о войне как о естественном состоянии межгосударственных отношений» (с. 150). По мнению автора, Геродот и другие «греки были уверены в превосходстве своих политических форм и культуры над Востоком», хотя и признавали лидерство Египта и Вавилона в ряде других сфер (с. 151). Фукидида автор обсуждает в терминах «силового равновесия» (с. 151). Тем не менее подобные трактовки несколько стереотипны. Так, у Геродота, конечно, есть контрасты между греками и персами, и его иногда даже считают одним из первых «ориенталистов» (Stewart 2020: 115-116), но напомним и другие места у «отца истории», в которых греки отнюдь не превосходят «варваров» в аспектах, важных именно для политики – и внутренней, и межгосударственной. Подчеркнём: здесь для нас важна не историческая достоверность Геродотовых сообщений, а только его идеи. Он же был уверен в том, что именно среди персов состоялась проницательная дискуссия о формах государственного устройства, причём Отан был защитником демократии и верховенства закона⁴, Артабан часто обнаруживал политическую мудрость и умеренность⁵. Персы бывали отважны⁶, причём не всегда из боязни

³ Геродот. 1972. *История в девяти книгах*. Пер. Г.А. Стратановского. Ленинград: Наука. VII 136.

⁴ Там же. III 80-83.

⁵ Там же. VII 10, VII 16.

⁶ Там же. Напр., IX 62.

«восточного деспота», но иногда – ради чести⁷: они были способны простить агрессию⁸ и зачастую мягко вели себя с побеждёнными⁹. Ксеркс помиловал спартанских глашатаев, не в пример поведению Лакедемона¹⁰; уважал он и женщину, ведущую себя весьма независимо, – Артемисию¹¹. Сами греки для Геродота, конечно, были умнее «варваров», а афиняне – остальных греков; и всё же он отмечает, насколько политически наивным бывал афинский демос. Народ дважды поддался на уловки Писистрата, установившего, а затем вернувшего тиранию¹²; позже поддался он и на внешнеполитическую авантюру, в которую его втянул Аристагор¹³. Недостатки межполисных отношений у Геродота – конкуренция главных городов – одно из несчастий Греции, наряду с собственно персидской угрозой¹⁴. Разумеется, многие греки и сотрудничали с персами во время воин, иногда добровольно и ради наживы¹⁵. Не все греки, включая афинян, были храбры¹⁶, некоторые, в том числе влиятельные, были алчны¹⁷, так что и здесь нет большого отличия от якобы «восточной» тяги к роскоши.

Фукидид, конечно, рассуждает о соотношении сил; и всё же слишком упрощённой была бы его трактовка, связывающая конфликты лишь с силовыми позовами «человеческой природы», делающими войну «естественной», и тем более делающая из историка апологета силы. Нельзя путать тех, кого Фукидид описывает (например, афинян в Мелосском диалоге), с его собственной позицией. Иногда он действительно старается лишь объективно изобразить (не значит «одобрить»!) картины конфликтов, но иногда и явно показывает своё негативное отношение к ним¹⁸. Природа человека у Фукидида то неизменна, то изменчива¹⁹, имеет и «благородную» форму²⁰. Это весьма размытое понимание человеческой природы не может «автоматически» вести к конфликтам, которые связаны не только с природой, но и с проблемами в общении, дискурсе. В какой-то мере Фукидид даже наметил «лингвистический поворот» (Ball 1985; см. также: Kokaz 2001). Говоря о междоусобных конфликтах в полисах, он порицает то, как «[и]зменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий»²¹ (вновь, как и у Геродота, здесь далеко до восхищения греческой политикой). Речи афинян в Мелосском диалоге, вероятно, были для историка как раз

⁷ Там же. VIII 16.

⁸ Там же. VI 119.

⁹ Там же. VI 42, VII 238.

¹⁰ Там же. VII 136.

¹¹ Там же. VIII 68-69, VIII 88, VIII 101-102.

¹² Там же. II 59-60.

¹³ Там же. V 97.

¹⁴ Там же. VI 98.

¹⁵ Там же. VII 174, VII 213-214, VIII 30, VIII 85, IX 2, IX 17-18, IX 32, IX 37-38.

¹⁶ Там же. VII 179-182.

¹⁷ Там же. VI 72, VIII 4-5.

¹⁸ Фукидид. 2021. *История*. Пер. Г.А. Стратановского. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. III 82-83.

¹⁹ Там же. I 22, 4, III 82, 2.

²⁰ Там же. III 83, 1.

²¹ Там же. III 82, 4.

негативным примером словесной апологии силы²² (Ball 1985: 745-746). Фукидид, как и ряд других греческих авторов, отделял убеждение, исходящее из взаимоуважения и дружбы, от устрашения и обмана. При этом именно более моральное убеждение ещё и более плодотворно, тогда как устрашение и обман – спутники излишних претензий и итогового краха Афин (Lebow 2008).

Несколько упрощённо в книге рассмотрена Пелопоннесская война. В-первых, упомянута персидская поддержка на её последнем этапе лишь спартанцев: персы предпочитали победу Спарты, поскольку она без флота не смогла бы в дальнейшем грозить самим персам в Малой Азии (с. 132-133). Стоило бы учесть и попытки сближения персов с Афинами. Напомним, Алкивиад убеждал сатрапа Тиссаферна, что Персии была бы выгоднее не скорая победа пелопоннесцев, а то, чтобы те и афиняне взаимно сбалансировали и истощали друг друга, более того, что сотрудничество с афинянами даже выгоднее, поскольку они, завоёвывая острова, смогут и подчинять Персии греков на азиатском побережье, тогда как спартанцы могут этих греков освободить. Тиссаферн во многом внял Алкивиаду, затягивая действия пелопоннесцев и выплату им жалованья и, по крайней мере, поддерживая баланс между ними и афинянами²³. Во-вторых, одним из объяснений победы Спарты объявляется то, что в Афинах присутствовала проспартанская партия, а в Спарте сторонников Афин не существовало (с. 133). Вспомним, что во многих других городах были приверженцы и Афин, и Спарты – соответственно, народная и олигархическая партии²⁴. Кроме того, в самом Лакедемонне некоторые илоты переходили на сторону врага или внушали опасения о восстании²⁵.

Наконец, в книге не уделено внимания таким важным терминам, как «амфикидония» и «синойкизм» – последний можно было бы сравнить с современной интеграцией.

Несколько странно, что при анализе Древнего Рима А.В. Фененко не останавливается на его «мягкой силе». Тит Ливий, например, вкладывает в уста Сципиона такие слова: римский народ «предпочитает не устрашать, а благодетельствовать и привязывать к себе чужие народы доверием и союзами, а не держать их в прискорбном рабстве»²⁶. Тогда же Сципион возвращает одному юноше его невесту и даёт приданое: «мягкая сила» оказывается эффективной, поскольку затем из благодарности юноша со своей конницей присоединяется к Сципиону²⁷. Конечно, анализировать Ливия стоит критически, и сам Сципион был склонен к показным жестам, но очень вероятно, что «мягкая сила» Рима была действительно велика.

²² Там же. V 85-113.

²³ Там же. VIII 46, VIII 57.

²⁴ Там же. Напр., III 82, 1.

²⁵ Там же. IV 41, 3, V 14, 3.

²⁶ Тит Ливий. 2002. *История Рима от основания города*. Том II. Пер. М.Е. Сергеенко. Москва: изд-во «Ладомир». XXVI 49, 8.

²⁷ Там же. XXVI 50.

Вторая группа проблем связана с источниками и литературой в списках в конце глав. Вновь ясно, что включить «всё» невозможно, но проблематичные лакуны остаются. Источники весьма малочисленны, в сравнении с литературой. Не представлен ряд классиков исторической мысли, причём именно довестфальского периода. Конечно, труды античных и средневековых авторов (как, впрочем, и более поздних) не всегда достоверны исторически, зачастую сложны и объёмисты. Но знакомство с классиками имеет очевидные преимущества: представляет взгляды современников событий, является сокровищницей политической мудрости (очень нужной политологу при взгляде на историю), повышает общую культуру студентов. Если автор рекомендует прочесть классиков XVIII – XIX вв., тоже очень «массивных» и несколько устаревших – например, Э. Гиббона или И. Дройзена (с. 183, 248), то не ясно, почему «блистательно» отсутствуют, скажем, Геродот и Фукидид. Тит Ливий предложен лишь в очень сокращённом издании (с. 207). Из римлян нет, среди прочих, Цезаря, хотя его тексты имеют античную ясность и бесценны как взгляд практика²⁸. Есть «Деяния саксов» Видукинда Корвейского (с. 356), но нет многих других, как минимум столь же известных средневековых текстов (например, «Повести временных лет», хотя она и упоминается в тексте). Отсутствует Н. Макиавелли²⁹. Можно, безусловно, в который раз обсуждать «Государя» (с. 696), но студентам стоило бы познакомиться и с «другим» Макиавелли, менее растиражированным, но релевантным исторической теме. Наконец, ярким событием стал недавний перевод (с современными комментариями) большей части «Кембриджской истории древнего мира» (Кембриджская история... 2007-2020), что сделало её доступней. Конечно, её объём и сложность способны подавить не только студента, но отдельные главы следовало бы рекомендовать.

Наконец, третья группа проблем – частные изъяны. Их особо стоило бы избегать именно в сложных учебниках: они призваны быть образцом для читателей, которые просто не могут сами всё перепроверять. Британский автор Э. Карр записан в «американские» (с. 10). Основателем XVIII египетской династии назван не Яхмос – или хотя бы Камос, с оговорками (Кембриджская история... 2007-2020: II.1: 314-330, 750), а лишь третий правитель династии Тутмос I (с. 60). Одна из фраз парадоксально называет Садиатта «преемником» милетянина Фрасибула, причём здесь же говорится, что Садиатт воевал против милетян (с. 97): конечно, Садиатт был царём Лидии. «Афинская полития» однозначно приписана Аристотелю (с. 125), но стоило оговорить, что её автором или соавтором, по мнению многих современных учёных, мог быть и ученик Аристотеля³⁰. Керки-

²⁸ Особенно специалиста-международника интересует: Цезарь Гай Юлий. 2021. *Записки о Галльской войне*. Пер. М. Покровского. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. 288 с.

²⁹ Макиавелли Н. 2015. *История Флоренции*. Пер. Н. Рыковой. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус. 506 с.

³⁰ Miller F. 2017. Aristotle's Political Theory. Zalta E.N. (ed). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Winter Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2017/entries/aristotle-politics/> (accessed 16.04.2022)

ра названа «метрополией» Коринфа (с. 130), хотя была его (и, возможно, эретрийской) колонией (Кембриджская история... 2007-2020: III.3: 194). Симмахия в одном месте описана как оборонительный союз (с. 145), хотя это, скорее, более наступательный, активный союз, с чем и сам автор мог бы согласиться (с. 127) (Кембриджская история... 2007-2020: V: 467). В индийском «кастовом делении» (скорее, нужно говорить о варнах) не упомянуты вайшии (с. 208). Рождение пророка Мухаммада отнесено к 571 г. или около этого года (с. 287), но более традиционная дата – 570 г. В контексте одной из арабо-хазарских войн, не позже 732 г., читаем, что «Аббасиды перешли в контрнаступление» (с. 329), но, как известно, те правили в Халифате с 749-750 гг. (Родионов 2008: 12, 57, 64).

Нередки случаи неверного или сомнительного написания. Например, самосский тиран Поликрат³¹ назван «Поликретом» (дважды на с. 106), спартанский царь Агесилай II³² – «Агиселаем» (несколько раз на с. 154, 156-158), «знаменитый» Лисандр³³ – «Лиссандром» (с. 154), «Лакедемонская полития» Ксенофонта³⁴ – «политикой» (с. 152), Каталаунские поля – «Каталунскими» (дважды на с. 245), Амр ибн аль-Ас (Родионов 2008: 50) – «Амиром» (дважды на с. 290). Имя царя Урарту Минуа (Рыбаков, Якобсон 2002: 319-321) трижды написано по-разному на двух страницах (с. 86-87).

Подчеркнём, однако, что книга А.В. Фененко в целом отличается большой новизной и значимостью – как специальное издание по всему довестфальскому периоду, которое предлагает студентам, учёным и практикам свежие, достойные внимания выводы об имперской сути довестфальских межгосударственных отношений. Отдельные упущения не отменяют того, что у книги сейчас фактически нет конкурентов. Другие упомянутые труды по довестфальскому периоду были немногочисленны, посвящались либо его отдельным аспектам, либо его рассмотрению вместе с другими периодами, а также устарели по причинам концептуальным и фактическим. Наука о международных отношениях очень динамична, в том числе в плане новых концепций, но очень динамично и изучение, в особенности, древней истории – во многом из-за активных археологических открытий. «Исторический поворот» во всей науке о международных отношениях не породил сравнимой по эмпирической фундаментальности книги.

А.В. Фененко сделал, без преувеличения, шаг, без которого наука о международных отношениях вряд ли смогла бы полноценно развиваться. Его труд оригинален и полезен всем международникам, сочетает высокий уровень аргументации и обобщений с конкретно-историческим освещением богатого

³¹ Напр.: Геродот 1972. III 40.

³² Напр.: Ксенофонт. 2021. *Анабасис*. Пер., статья, ком. М. Максимовой. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. V III, 6.

³³ Напр.: Ксенофонт. 1935. *Греческая история*. Пер. С. Лурье. Ленинград: ОГИЗ Соцэкгиз — Ленинградское отделение. 15, 1.

³⁴ Ксенофонт. 2014. *Лакедемонская полития*. Пер., вступ. ст. и коммент. Л.Г. Печатновой. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия. 223 с.

материала. Вместе с тем понадобятся дальнейшие шаги, среди которых – более чёткая характеристика взаимодействующих акторов, учёт многообразия трактовок, источников и литературы в отмеченных случаях. Это позволяет надеяться, что книга выдержит ещё не одно издание и будет стимулировать других учёных чаще обращаться к довестфальским истокам.

Об авторе:

Николай Николаевич Гудалов – кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд. E-mail: n.gudalov@spbu.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: April 23, 2022
Accepted: June 1, 2022

Before Westphalia: a History of International Relations ante litteram

N.N. Gudalov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-262-278](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-262-278)

Saint Petersburg State University

Book review: Fenenko A.V. 2022. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v dovetsfal'skuyu epokhu* [History of International Relations in the Pre-Westphalian Epoch]. Moscow: Izdatel'stvo "Aspekt Press". 752 p. (in Russian)

Keywords: international relations history, historical turn, pre-Westphalian epoch, the Peace of Westphalia, systemic approach, imperial policy, sovereign state, nation-state

About the author:

Nikolay N. Gudalov – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University, st. Smolny 1/3, entr. 8, St. Petersburg, Russia, 191060. E-mail: n.gudalov@spbu.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Baele S., Bettiza G. 2021. 'Turning' Everywhere in IR: On the Sociological Underpinnings of the Field's Proliferating Turns. *International Theory*. 13(2). P. 314-340. DOI: 10.1017/S1752971920000172

Ball T. 1985. Hobbes' Linguistic Turn. *Polity*. 17(4). P. 739-760. DOI: 10.2307/3234572

Cohen R., Westbrook R. (eds). 2000. *Amarna Diplomacy: The Beginnings of International Relations*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 312 p.

Costa Lopez J. 2020. Political Authority in International Relations: Revisiting the Medieval Debate. *International Organization*. 74(2). P. 222-252. DOI: 10.1017/S0020818319000390

Grimm S. R. 2017. Why Study History? On Its Epistemic Benefits and Its Relation to the Sciences. *Philosophy*. 92(3). P. 399-420. DOI: 10.1017/S003181911700002X

Haddock B. 2011. Contingency and Judgement in History of Political Philosophy: A Phenomenological Approach. Floyd J., Stears M. (eds) *Political Philosophy versus History? Contextualism and Real Politics in Contemporary Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 65-83.

Hobson J.A. 1902. *Imperialism: A Study*. New York: James Pott & Company. 400 p.

Huntington S.P. 1997. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster. 367 p.

Kaplan M.A. 2005. *System and Process in International Politics*. Colchester: ECPR Press. 253 p.

Kokaz N. 2001. Moderating Power: A Thucydidean Perspective. *Review of International Studies*. 27(1). P. 27-49. DOI: 10.1017/S0260210500010275

Lebow R.N. 2008. The Ancient Greeks and Modern Realism: Ethics, Persuasion, and Power. Bell D. (ed) *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme*. Oxford: Oxford University Press. P. 26-40.

Stewart J. 2020. *The Emergence of Subjectivity in the Ancient and Medieval World: An Interpretation of Western Civilization*. Oxford: Oxford University Press. 416 p.

Teschke B. 2003. *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*. London and New York: Verso. xii, 308 p.

Kembridjskaya istoriya drevnego mira [The Cambridge Ancient History]. 2007-2020. Vols. II.1 – XII. Trans. from Eng. Moscow: Nauchno-izdatelskij tsentr "Ladomir". (In Russian)

Potemkin V.P. (ed). 1941-1945. *Istoriya diplomatii* [A History of Diplomacy]. 3 vols. Moscow: Sotsekgiz. (In Russian)

Rodionov M.A. 2008. *Islam klassicheskij* [Classical Islam]. Saint Petersburg: "Azbukaklassika"; "Peterburgskoye Vostokovedeniye». 224 p. (In Russian)

Rybakov R.B., Yakobson V.A. (eds). 2002. *Vostok v drevnosti* [The Ancient Orient]. *Istoriya Vostoka* [A History of the Orient]. 6 vols. Vol. 1. Moscow: Vost. lit. 688 p. (In Russian)

Sirotenko V.T. 1975. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v Evrope vo vtoroj polovine IV – nachale VI v* [A History of International Relations in Europe in the Second Half of the 4th – Early 6th c]. Perm: [Perm un-t]. 281 p. (In Russian)

Zhigunin V.D. 1980. *Mezhdunarodniye otnosheniya ellinisticheskikh gosudarstv v 280-220 gg. do n. e.* [The International Relations of the Hellenistic States in 280-220 B.C.]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta. 192 p. (In Russian)

Zhigunin V.D., Gabelko O.L. (eds). 2000. *Mezhdunarodnyye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti* [Interstate Relations and Diplomacy in Antiquity]. Kazan. 352 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Жигунин В.Д. 1980. *Международные отношения эллинистических государств в 280-220 гг. до н.э.* Казань: Изд-во Казан. ун-та. 192 с.

Жигунин В.Д., Габелко О.Л. (ред.). 2000. *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Казань: Б.и. 352 с.

Кембриджская история древнего мира. 2007-2020. Т. II.2 – XII. Пер. с англ. Москва: Научно-издательский центр «Ладомир».

Потемкин В.П. (ред.). 1941-1945. *История дипломатии.* 3 т. Москва: Соцэкгиз.

Родионов М.А. 2008. *Ислам классический.* Санкт-Петербург: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение». 224 с.

Рыбаков Р.Б., Якобсон В.А. (ред.). 2002. *Восток в древности. История Востока.* 6 т. Т. 1. Москва: Вост. лит. 688 с.

Сиротенко В.Т. 1975. *История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в.* Пермь: [Перм. ун-т]. 281 с.